

Малах Елена Сергеевна, Поздеева Галина Петровна

**СОБИРАТЕЛЬНОСТЬ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В КАТЕГОРИИ ЧИСЛА
ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (ВАСЮГАНСКИЙ ДИАЛЕКТ)**

В статье речь идет о формировании категории собирательности имени существительного в васюганском диалекте хантыйского языка. Представлены характеристики четырех групп имен существительных, имеющих собирательное значение. Ценность и актуальность данной статьи состоит в том, что в ней проанализирован материал васюганского диалекта хантыйского языка, который относится к мало описанным восточным диалектам хантыйского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 131-133. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

воспоминаниях об окопной жизни (Карташов) и восьмилетнем плену в Сибири (Хельмут). Это позволяет склониться в пользу аппликативной стратегии как случая простого внешнего соположения двух разных картин мира, если бы не ряд ситуаций, образов и мотивов: сама ситуация праздника и предполагаемого им ритуального общения; символический характер основного события и образов (подарки Юрко и Хельмута), а символ обладает «теплотой слагающей тайны» (С. С. Аверинцев).

Подведем итоги. Жанровое своеобразие «Дня Победы» В. П. Некрасова организовано на основе аппликативной стратегии. Здесь две картины мира на уровнях персонажей и повествователя тесно переплетаются, но в сфере авторской позиции отчетливо разводятся. Онтологическое двоемирие постмодернистского текста усиливается и поддерживается жанровым двуязычием, то есть конвергенцией возможностей анекдотического и притчевого жанровых кодов.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 364 с.
2. Бройтман С. Н. Историческая поэтика / Теория литературы: в 2-х т. М.: Академия, 2004. Т. 2. 359 с.
3. Некрасов В. П. День Победы / Некрасов В. П. Избранные произведения. М.: Лабиринт, 2008. 270 с.
4. Смирнов И. П. Олитературенное время. (Гипо)теория литературных жанров. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2008. 264 с.
5. Тмарченко Н. Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь: Изд-во ТверГУ, 2001. 72 с.
6. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Высшая школа; Академия, 2003. 560 с.
7. Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989. 135 с.

“VICTORY DAY” BY V. P. NEKRASOV: BETWEEN ANECDOTE AND PARABLE

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The article presents the hypothesis about four types of relationship of two artistic strategies - anecdotal and parabolic ones that defined the genre originality of the small military epics (short story and tale). As the basis of the typology the author discusses the main principles of their relationship: parallelism, inclusion, intersection and overlaying (application). The theoretical positions are proved by the analysis of V. P. Nekrasov's novel "Victory Day" (1983).

Key words and phrases: artistic strategy; anecdote; parable; short story; tale; worldview; plot; composition; character; word.

УДК 811.511.142

Филологические науки

В статье речь идет о формировании категории собирательности имени существительного в васюганском диалекте хантыйского языка. Представлены характеристики четырех групп имен существительных, имеющих собирательное значение. Ценность и актуальность данной статьи состоит в том, что в ней проанализирован материал васюганского диалекта хантыйского языка, который относится к мало описанным восточным диалектам хантыйского языка.

Ключевые слова и фразы: категория собирательности; категории единичности и множественности; функции категории единственного числа; имя существительное; хантыйский язык (васюганский диалект).

Малах Елена Сергеевна

Поздеева Галина Петровна

Томский политехнический университет

leme-elena@yandex.ru; galyunya-tom@yandex.ru

СОБИРАТЕЛЬНОСТЬ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В КАТЕГОРИИ ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (ВАСЮГАНСКИЙ ДИАЛЕКТ)[©]

Отношение имен собирательных к грамматической категории числа не было предметом сравнительного изучения на материале хантыйского языка. Тем не менее это актуальная тема сравнительной грамматики. Следовательно, рассмотрение указанной проблемы важно, с одной стороны, для определения функций категории собирательности, а с другой – для выявления языковой специфики категории числа в связи с абстрагирующей деятельностью мышления [2, с. 65].

Для того чтобы проследить развитие категории числа в хантыйском языке, рассмотрим, каким образом произошло переосмысление оппозиции «единичное» vs. «множество» (вместо единства «часть» – «целое») в хантыйском существительном и какие языковые средства используются для выражения отвлеченной множественности.

В васюганском диалекте хантыйского языка существует большое количество слов, не имеющих формального показателя множественности, и все же множество здесь налицо: *т, охат* _снег', *вах* _деньги', *нас* _варежки', *нахар* _орехи', *нахар ох* _шишки', *ул* _ягода', *кул* _рыба' и т.д. [5]. Особенность этих существительных, внешняя форма которых не обозначает ни единичности, ни множественности, состоит в том, что они отражают эти понятия попеременно, и только из контекста можно понять, идет ли речь об одном или большем количестве предметов, например: *науыр* *чэуикэл, ъв*, *кул тятъувэркъл, ъв* _шишки собирали, рыбу запасали' (досл. _шишку'); *мънг ън, кáмнь жомънкá* *жил*, *ил, кáлън* _мы с матерью по ягоды ходили' (досл. _ягода') [6, т. 3].

Основной формой собирательности в хантыйском языке является единственное число. К функциям категории единственного числа относится не только обозначение единичности как чего-то противостоящего множеству, но и обозначение любого конечного множества, разрешается ли оно в двух, трех или более единицах. Термин «единственное число» для хантыйского языка чисто условен. При этом мы ориентируемся только на форму, которая скрывает за собой самые разнообразные значения множества, противостоящего значению отвлеченного, универсального множества.

Собирательность как частный случай множественности особенно характерна для хантыйских существительных. В хантыйском языке существует лишь небольшая группа слов, в которых собирательность выражена суффиксально, например при помощи суффикса *-са*: *журилмса* _кедрач' [3, с. 332], *пайливса* _осинник' [Там же, с. 193], *н, алкалса* _пихтач' [Там же, с. 175] и т.п.

В большинстве случаев предметы, относящиеся к природе, не находят в хантыйском языке специальных средств, подчеркивающих собирательность [1, с. 93]: *юх* _дрова', *ул* _ягода', *лыват* _листва', *мá нууá* *аткасэм жуу тутá* _Я велел тебе дров принести' [6, т. 1].

Среди имен собирательных выделяем 4 группы. К первой относятся существительные типа: *кейки* _комарье' [3, с. 77], *ваях* _зверье' [Там же, с. 49], *пилли* _мошка' [Там же, с. 209], *ул* _ягода' [Там же, с. 299], *кул* _рыба' [Там же, с. 114], *ланги* _белка' [Там же, с. 121], *нахар* _орех' [Там же, с. 160], *нахар ох* _шишка' [Там же], *пялэн* _облако' [Там же, с. 227] – *пялн, áмтáвэл* _облака собираются' (досл. _облако') [6, т. 2]. Предметы и явления природы, обозначаемые ими, до сих пор воспринимаются как единство. Об этом говорит следующее: в хантыйском языке достаточно хорошо развито согласование, и глагол может отразить множественность субъекта, что обычно и происходит в других случаях, например: *ъл' л' ъ жульт* *жал' въл' т* _большие кедрь стоят' (*жульт* (мн. ч.) _кедрь'); *амыслъм улъм – вэлит са ълтъвълт*. _Сижу и вижу – олени бегут' (*вэлит* (мн. ч.) _олени'); *юх нуот ос морькътъсьт*. _Сучья опять затрещали' (*юх нуот* (мн. ч.) _сучья') [Там же]. Подлежащее и сказуемое стоят во множественном числе, о чем свидетельствует суффикс множественного числа *-т*.

Имена собирательного значения не выражают множественность через глагол, они согласуются с ед. числом глаголов: *пáюу лъвтъл кóръувъл* – _С осин листья (ед. ч., досл. _лист') падают' (ед. ч. досл. _падает') [5].

В словосочетании *нахар насыта* _орехи лузгать' (досл. _орех') [Там же] само значение указывает на многократность действия, однако существительное остается безучастным к выражению множественности. Для выражения единичности предмета используется та же форма, но с добавлением слова или частицы, которые выделяют один предмет из множества: *ъ ланги* – _одна белка', *ъ нахар ох* – _одна шишка' [Там же].

В приведенных примерах присутствуют как единичность, так и множественность, несмотря на тождество внешней формы; они расчленены в мышлении и в языке и не тождественны по содержанию; для выделения единицы из множества не нужны особые языковые средства.

Вторая группа имен собирательных обозначает явления неживой природы: *пой* _град' [3, с. 24], *кèх* _бисер' [Там же, с. 84], *пян*, _клюква' [Там же, с. 229], *порча* _горох' [Там же, с. 216], *л, авать* _дождь' [Там же, с. 129] и т.д.

Собирательность в этих словах наиболее ярко выражена, т.к. эти предметы несчетные и воспринимаются как сплошная масса, нерасчлененное множество. Соотнесенность части и целого, единицы и множества в таких случаях исчезла. Чтобы выделить один предмет из всей массы вещества, используются специальные средства. В хантыйском языке сингулятивы от собирательных и вещественных существительных образуются при помощи сложных слов, где определяющим служит какое-либо вещество, определяемым – существительное *сем* _глаз', обладающее определенным, хотя и ослабленным типом лексического значения, например: *пой сем* – _градинка', *кèх сем* – _бисеринка', *пян, сем* – _клюквинка', *порча сем* – _горошинка', *л, авать сем* – _капля дождя' [5].

Категория единственного числа включает также группу слов, которые можно определить как обобщенно-собирательные. Эти слова, как и предыдущие, не оформлены в структурном отношении как множества, однако содержат высказывание о множестве предметов. Например: *н'охос*, *ланги* *вайах менвелт* *аран, меуа* – _Соболь, белка уходят в другую землю' [6, т. 2].

В конструкциях данного типа один из предметов (или лиц) представляет все ему равнозначные, поэтому высказывание, направленное на этого представителя, относится ко всем предметам и лицам.

Слова, обозначающие парные предметы, в подавляющем большинстве случаев также имеют форму единственного числа. Этот вид собирательности можно определить как конечное множество, состоящее из двух частей. Сюда относятся слова, обозначающие парные предметы: *нимэл* _лыжи', *ворэф* _штаны', *сапик* _сапоги', *нас* _варежки', *потинка* _ботинки' и т.п. [5].

Все названные существительные употребляются, как правило, в единственном числе, в редких случаях встречаются варианты во множественном или двойственном числе. Следовательно, представление о собирательном значении этих предметов еще прочно и устойчиво.

К этой же группе можно отнести названия частей тела, органов чувств у человека и животных, например: *семэл наруууки* – ‘глаза его красные.’ (досл. ‘глаз-его’); *ыл оутинэ амэсвэл* – ‘он сидит на коленях’ (досл. ‘на колене’); *ни аллавл семъл контја* – ‘Женщина лежит, глаза ее сощурены’ (досл. ‘глаз-ее’) [6, т. 2].

Для обозначения одного из предметов, входящих в парное единство, используется без изменения та же форма, что и для всего единства в целом: *к’отэл илэ варвэл* – ‘Руку свою вперед протягивает’, *к’урэл илэ варвэл* – ‘Ногу свою вперед протягивает’ [5]. Интересно отметить, что в некоторых случаях название одного из парных предметов образуется путем подстановки слова *пелек* – ‘половина’, что характерно и для других финно-угорских языков [4, с. 415]. Например: *пот’инка пел’кам интим* – ‘Одного ботинка нет’ (досл. ‘половины моего ботинка’), *нас пелек* – ‘одна рукавица’ (досл. ‘половина рукавицы’), *сапык, пелек* – ‘один сапог’ (досл. ‘половина сапога’) [5].

К четвертой группе собирательных существительных относятся слова (чаще всего в лично-притяжательной форме), тоже обозначающие части тела, органы чувств у животных и человека с той лишь разницей, что конечное множество разрешается в сумме большей, чем две единицы, хотя нельзя говорить о бесконечности этого ряда, например: *ават* ‘волосы’ [3, с. 28], *ан,ты* ‘ребра’ [Там же, с. 30], *лус* ‘борода’ [Там же, с. 126], *пэн,к* ‘зубы’ [Там же, с. 208], *он,ал* ‘челюсть’ [Там же, с. 187].

Все относящиеся к этой группе существительные сочетаются с глаголом в единственном числе: *автам меканвял* – ‘Волосы у меня лезут’ (досл. ‘волос-мой’) [6, т. 3].

Таким образом, рассмотренные примеры групп имен существительных, выражающих собирательность в васюганском диалекте хантыйского языка, указывают на то, что категория собирательности имени существительного может быть выражена как грамматическим способом (суффиксально), так и представлять собой лексический, неформальный способ выражения множественности, соответствующий конкретному осмыслению количественных отношений.

Список литературы

1. Дегтярев В. И. Собирательность и категория числа в истории славянских языков // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 92-101.
2. Кумахов М. А. Число и грамматика // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 65-74.
3. Могутаев М. К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск: Томский госпедуниверситет, 1996. 352 с.
4. Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языки. М.: Изд-во «Наука», 1976. 467 с.
5. Полевые материалы автора (Лемешко Е. С.) по хантыйскому языку (васюганский диалект) из с. Новый Васюган Александровского района Томской области (ИМА 2000) (17.01-23.01.2000).
6. Рукописные тома полевых записей по хантыйскому языку (васюганский диалект) архива А. П. Дульзона. / сост. Л. И. Калинина Томский государственный педагогический университет, кафедра языков народов Сибири. Томск, 1956-1998 гг. Т. 1-3 [1956-57].

COLLECTIVE FEATURE IN THE KHANTY LANGUAGE AND ITS REFLECTION IN NUMBER CATEGORY OF NOUN (VASYUGAN DIALECT)

Malakh Elena Sergeevna
Pozdeeva Galina Petrovna

National Research Tomsk Polytechnic University
leme-elena@yandex.ru; galyunya-tom@yandex.ru

The article is referring to the formation of collective category of a noun in Vasyugan dialect of the Khanty language. The characteristics of the four noun groups possessing a collective meaning are presented. The value and topicality of the given article is that it analyzes the material of Vasyugan dialect of the Khanty language which refers to the sparsely described Eastern dialects of the Khanty language.

Key words and phrases: collective category; singular and plural categories; functions of singular category; noun; the Khanty language (Vasyugan dialect).